

ПОНЯТИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ М.М. БАХТИНА

Цель моего сообщения состоит в том, чтобы привлечь внимание к одному малоизвестному источнику представлений Бахтина, связанных с проблемой художественной циклизации лирики, активно обсуждавшейся в критике и литературоведении начала 20 века. Я имею в виду лекцию М.М. Бахтина по истории русской литературе, посвященную творчеству Вячеслава Иванова. Как известно, в 20-е гг. Бахтин много выступал с публичными лекциями на литературные и философские темы в различных аудиториях Витебска и Ленинграда, а также читал разнообразные циклы лекций по истории философии, эстетике и литературе в домашней обстановке. Один из них был прочитан в кружке по изучению русской литературы, образованном юными слушателями в Витебске. У Р.М. Миркиной сохранились записи этих лекций, охватывающие историю русской литературы от 18 века до новейших произведений русской литературы 20-х гг. Составители тома работ Бахтина под названием «Эстетика словесного творчества», вышедшего в 1979 году, С.Г. Бочаров и С.С. Аверинцев, сочли возможным опубликовать в нем лекцию о Вячеславе Иванове. Собственно об этой работе М.М. Бахтина я и буду говорить в дальнейшем.

Специально проблема лирического цикла в лекции Бахтина не ставится. Речь идет об особенностях поэзии Вячеслава Иванова в довольно широком историко-литературном сравнительном контексте, в сопоставлении с лирикой Брюсова, Бальмонта, Блока, немецких и французских поэтов той поры, Рильке, Георге, Верлена.

Касаясь формальных особенностей поэзии Вяч. Иванова, Бахтин говорит: «Если для поэтов обычно характерно психологическое и биографическое единство, то у Вяч. Иванова единство чисто

систематическое. Все темы его поэзии представляют очень сложную единую систему. Его тематический мир так же един, отдельные моменты его тематики так же взаимно обусловлены, как в философском трактате. <...> Особенность тематическая обусловила формальные особенности поэзии Вяч. Иванова»¹. Определение единства поэзии Вяч. Иванова как «единства чисто систематического» очень важно, с точки зрения Бахтина, для понимания своеобразия поэзии Вяч. Иванова, для понимания **способа ее прочтения**. Далее следует еще одно емкое высказывание Бахтина, которое, по крайней мере, в зафиксированном тексте лекции в сущности исчерпывает взгляды ученого на природу художественной циклизации лирики Вяч. Иванова. Приведем это высказывание: «Особенностью поэзии Вяч. Иванова является и то, что все его сборники как бы делятся на главы и главы расположены последовательно, продолжают одна другую. Конечно, и отдельные стихотворения не атомы, а существуют как самостоятельные вещи, но они чрезвычайно выигрывают в целом сборнике. Характерно, что Вяч. Иванов всегда печатал свои стихотворения **законченными циклами**. Эта синтетичность связывает его с Георге и с Рильке, особенно с последним. И у Рильке сборники стихов являются повествованиями, которые распадаются как бы на главы. В этом смысле поэзия Вяч. Иванова сближается со “Смирennemудрием” Верлена. Но эта близость объясняется не зависимостью, а общими источниками» (ЭСТ, С. 378. Выделено мною – М.Д.).

Очевидно, мысли Бахтина представлены здесь конспективно. Но, на мой взгляд, они очень важны и поэтому нуждаются в развернутом комментировании.

Прежде всего, в эксплицированной нами лаконичной теории лирической циклизации Бахтина можно выделить 3 основных момента:

1. Бахтину весьма импонирует такое понимание лирического цикла/сборника, которое связывает его с **романной формой**. Здесь, правда, нет исключительной заслуги Бахтина. Аналогия сборника и романа была очень ходовой в критике и литературоведении начала 20 века. Восходит она

к знаменитому предисловию-манифесту В. Брюсова к своей книге стихов «Urbi et Orbi». Напомню, что смысл высказывания Брюсова сводился к тому, что книга стихов должна быть не простым собранием стихотворений, но целостным повествованием, «как роман, как трактат». Эти слова Брюсова часто цитировались и скоро стали общим местом. Однако, следуя в какой-то мере за основоположником теории лирической циклизации, Бахтин проявил и свою самостоятельность, особенно в понимании онтологического статуса отдельного произведения в составе лирического цикла.

2. Бахтин выступил решительным противником «атомарного подхода» к пониманию целостности отдельного произведения в цикле. Многие теоретики и практики лирического цикла, Брюсов, Блок, Белый, особенно последний, настаивали на том, что отдельное произведение в цикле не имеет цены. Важно только целое. Отдельное произведение служит как бы передаточным звеном в развитии образа, поэтому ни текстуально, ни эстетически оно не может считаться завершенным, довлеющим самому себе смыслом. Бахтин занимает четкую позицию: «отдельные стихотворения не атомы, а существуют как самостоятельные вещи, но они чрезвычайно выигрывают в целом сборника». Совершенно очевидно, что Бахтин выступает здесь сторонником **идеи двухмерности** отдельного произведения в цикле: каждое произведение совершенно автономно, и оно может быть частью целого. Другой вопрос, как соотносятся между собой эти произведения первого и второго порядка? Текст один, а произведения разные?

Если уж говорить о значении идей Бахтина для теории цикла, то все-таки важнейшей здесь является идея близости романной формы и лирического цикла, идея **лирического повествования**, которая связана в свою очередь с идеей последовательности частей цикла.

3. Не случайно в связи с этим Бахтин упомянул о сближении поэзии Вяч. Иванова со «Смиренномудрием» Верлена. Сборник Верлена «Sagesse» (1881) развертывал тему обращения поэта к католической вере, чему и

посвящена последовательность трех частей цикла. Первая часть открывается видением Несчастья как «Доброго рыцаря в маске», который своим копьем пронзил старое сердце грешника и своим закованным в железо пальцем коснулся раны, чтобы чудесно создать в страждущей груди новое сердце, чистое и молодое. Вторая, центральная часть – это экстатический диалог души с Иисусом. Наконец, третья часть создает для этого центра периферию в виде мистически окрашенной импрессионистской пейзажной лирики. Возможно, Бахтин имел в виду также распределение аспектов темы между этим сборником и четырьмя последовавшими: «Amour» (1888) – постоянство в вере, «Parallelement» (1889) – покаяние в новом падении, «Bonheur» (1891) – утешение, наконец, «Liturgies intimes» (1892) – мистика богослужебного круга.

Само по себе сопоставление Бахтиным стихотворных книг Вяч. Иванова и Верлена мне кажется методологически и теоретически продуктивным для изучения художественной циклизации литературных произведений. Циклизация в этом случае рассматривается не только как индивидуально-авторское творчество, но и как движение и развитие символистской традиции европейской поэзии.

Помимо собственно теоретических размышлений Бахтина о проблеме цикла, заслуживает внимания и анализ книг стихов Вяч. Иванова, предпринятый ученым, На мой взгляд, он достаточно интересен и может быть использован как опыт анализа художественных циклов вообще.

При анализе книг стихов, состоящих из 100–150 и более стихотворений, всегда возникает проблема отбора ключевых или магистральных текстов для анализа. Этот выбор всегда более или менее субъективен. Исследовательское решение может быть и другим. Можно прибегнуть к методу сплошного анализа *de visu*, когда анализируются все стихотворения сборника или книги стихов без исключения, но такие анализы весьма громоздки. Парадоксально, но иногда исследователи, анализирующие все стихотворения цикла, не догадываются, что они анализируют цикл.

У Бахтина иной подход. Приступая к анализу второй книги стихов Вяч. Иванова «Прозрачность», Бахтин рассматривает ее состав с точки зрения составляющих ее циклов как художественных единиц сборника, образующих его художественных единств. Вместо громоздкого описания и передачи опыта читательского восприятия текстов Бахтин стремится к лаконичному и содержательному описанию цикла как эстетического объекта. По поводу «Прозрачности»: «основной символ здесь – маска, скрывающая сущность явлений. Но маска не покрывало Майи: она просвечивает. Поэтому и весь сборник назван “Прозрачность”. Он построен на совершенно точном воспроизведении мифов. Почти ко всем мифам здесь можно подыскать стихи. Вяч. Иванов все время цитирует». (ЭСТ, 378–379) **Поэтому для Бахтина цикл важен не только как композиционная форма, но и архитектурная.** Все это следует из логики его анализа, а не декларируемых заявлений.

Любопытно, что, признавая Вяч. Иванова мастером формы циклической поэзии, Бахтин справедливо указывает на границы применения этой формы. Говоря о трагедиях Вяч. Иванова, Бахтин пишет: «Он смотрел на трагедию как ложно классики на поэму: в трагедии национальная культура достигает своего завершения. В России, по его мнению, трагедия почти создалась: это романы Достоевского, на которые он смотрел как на трагедии. Свои трагедии ему не удалось. Это лишь циклы стихов, связанные внешне. Если бы он отрешился от мешающей ему формы, произведение бы только выиграло» (ЭСТ, 383).

В заключение мне хотелось бы сказать, что весьма фрагментарные и лаконичные наброски Бахтина по проблеме лирической циклизации заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего введения их в научный оборот.

---

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 377. Далее страницы книги указываются в скобках после цитаты.